

Агульнай інтанацыяй двух дыскурсаў паўстае стаўленне да пачуццяў як да аб'екта, вартага апісання ў найбольш значных для ўспрымання пазіцыях тэксту – пачатку і канцы. Для дыскурса ўлады выражэнне пачуццяў робіцца той падставай, дзякуючы якой улада атрымлівае ад народа сігнал аб ухваленні яе ўчынкаў.

Аналізаваныя камунікатыўныя аспекты палітычнага дыскурса ў Беларусі дазваляюць меркаваць пра дваістую карціну свету, якая характарызуе стан свядомасці грамадства перыяду 1920–1930-х гг.

ЛІТАРАТУРА

- Виноград Т. К процессуальному пониманию семантики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 12.
 Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М., 1934.
 Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
 На крутым павароце: Ідэолага-палітычная барацьба на Беларусі ў 1929–1931 гг.: Дакументы, матэрыялы, аналіз / Аўт.-склад. Р.П. Платонаў. Мн., 1999.
 Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 23.
 Чахоўскі Г.К. Кагнітыўны аналіз палітычнага дыскурса ў Беларусі 1920–1930-х гг. // Працы кафедры сучаснай беларускай мовы (да 80-годдзя БДУ) / Пад рэд. А.Я. Міхневіча. Мн., 2002. Вып. 1.
 Чейф У. Л. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 12.
 Mynsky M. A Framework for Representing Knowledge. Winston, 1975.

Паступіў у рэдакцыю 13.06.2002.

Георгій Канстанцінавіч Чахоўскі – выкладчык кафедры сучаснай беларускай мовы.

И.Н. СОФРОНОВА

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВЫХ ФАКТОРОВ И ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА МУЖЧИНЫ

Описываются результаты социолингвистического эксперимента, цель которого – выявить, с лицом какого пола реально соотносятся существительные общего рода в сознании говорящих на русском языке.

The results of a sociolinguistic experiment are presented. The experiment is aimed at revealing which sex is actually attributed to common gender nouns in the mind of Russian native speakers.

Исследование грамматической категории рода является традиционным направлением для русистики, в рамках которого изучаются способы номинации лиц разного пола, соотношение интра- и экстралингвистических факторов, влияющих на процессы словопроизводства в исторической перспективе. При этом менее изученными в гендерном аспекте оказались существительные общего рода, имеющие, как известно, синтаксическое выражение родовых характеристик. Вероятно, отсутствие однозначной референции определило периферийную позицию существительных общего рода в кругу гендерно релевантных наименований лиц. Однако именно синкретизм в обозначении пола, свойственный существительным общего рода, делает последние весьма интересным объектом для социолингвистической интерпретации.

Мы предположили, что специфика конкретной референции существительных общего рода, обозначающих лиц по наиболее характерным действиям или свойствам, оказывается в зависимости не столько от языковых, сколько от экстралингвистических факторов, в частности от пола говорящего и гендерных стереотипов. Для проверки данного предположения нами был проведен эксперимент, цель которого состояла в том, чтобы определить, в какой степени действия и свойства, носителями которых являются лица, обозначенные существительными общего рода, дают возможность думать о мужчине или о женщине. При этом изначально предполагалось,

что представления о мужских и женских качествах будут зависеть от пола информантов, в связи с чем результаты эксперимента отразят специфику восприятия образов мужчины и женщины, обусловленную фактором пола.

Проведенный нами эксперимент заключался в следующем: 40 студентам Белорусского государственного университета (20 юношам и 20 девушкам) был предложен список из 225 наиболее частотных существительных общего рода, выбранных из «Грамматического словаря русского языка» А.А. Зализняка. Информанты должны были отметить, с лицом какого пола ассоциируются у них предложенные существительные. В случае неразличения указывались оба пола. Полученные ответы юношей и девушек обрабатывались отдельно и затем сопоставлялись. Таким образом определялся языковой портрет мужчины и женщины как носителей соответствующих полу качеств. Статистические данные выводились на основе подсчета простого большинства ответов информантов. При этом следует подчеркнуть, что привлечение большего их числа не могло бы не отразиться на статистических данных. Кроме того, исследование на материале, полученном от представителей конкретной возрастной и социальной группы, с неизбежностью отражает сформировавшиеся в ней межличностные отношения, а это не позволяет утверждать валидность результатов для других социальных групп, что, впрочем, и не являлось целью эксперимента. Полученные данные репрезентативны потому, что демонстрируют реальное действие гендерных стереотипов, эксплицируя некоторые общие тенденции в восприятии существительных общего рода носителями русского языка.

Для удобства дальнейшего описания мы распределили существительные общего рода по группам в зависимости от направления характеристики личности:

- 1) внешний вид (в широком смысле, т. е. не только физические данные, но и внешний облик в целом): *здоровяга, симпатия, малышка, кривоножка, замарашка, грязнушка, худышка, верзила, уродина* и др.;
- 2) поведенческий (акциональный) признак (указание на типичные действия): *улыба, плакса, рева, хапуга, пьянчуга, торопыга, кочевряга, егоза* и др.;
- 3) характерологический признак (указание на типичные свойства): *жадоба, раззява, прощелыга, подлюга, хитрюга, скряга, привереда, ханжа* и др.;
- 4) общая оценка: *голуба, лапушка, цыпочка, дорогуша, тварюга, бяка* и др.;
- 5) коммуникативный признак: а) особенности речи: *брюзга, заика, балаболка, тараторка, болтушка, пискля* и др.; б) способ воздействия на собеседника: *ябеда, подлиза, лгунишка, врушка, надувала* и др.;
- 6) интеллектуальный признак: *незнайка, невежда, недоучка, тупица* и др.;
- 7) род занятий: *ворюга, бродяга, попрошайка, побирашка* и др.;
- 8) социально-ролевой статус: *сирота, одиночка, ровня, неровня* и др.;
- 9) деловые качества: *деляга, трудяга, работяга, белоручка, лежебока*;
- 10) отношение к противоположному полу: *недотрога*.

Дифференциация существительных общего рода проводилась с учетом как словообразовательных, так и семантических признаков. В этой связи ряд существительных глагольного происхождения на основе компонентного анализа включены в группу слов, характеризующих лицо по типичному свойству, качеству, например *вертушка* ('легкомысленный, непостоянный, ветреный человек'), *ловчила* ('ловкий, изворотливый человек'), *пролаза* ('пронырливый, ловкий человек') и др.

В каждой группе характеристик четко выделяется значительное по количеству составляющих его существительных ядро и немногочисленная периферия. Входящие в ядро слова представляют собой однозначные характеристики (*кривоножка, коротышка, миляга, малютка, курилка, лакомка, шалунишка, вертушка, гуляка, скромница* и др.). Слова, составляющие периферию каждой группы, являются размытыми характеристиками, которые одновременно определяют несколько качеств, например, существительное

мямля определяет лицо как по коммуникативному (тот, кто невнятно говорит, мямлит), так и по характерологическому признаку (нерешительный, вялый человек); *мазилка* – по поведенческому (тот, кто неаккуратно рисует, пишет) и характерологическому (неряшливый) признакам; *приставака* – по поведенческому (тот, кто постоянно пристаёт к кому-либо), коммуникативному (тот, кто бесцеремонно вступает в разговор) признакам, а также по отношению к противоположному полу и т. д. Таким образом, выделение вышеприведенных групп в определенной степени условно. Кроме того, отмеченная неоднозначность затрудняет и обработку ответов информантов, так как не дает возможности четко определить, какой признак имелся в виду при соотнесении подобных существительных с лицом мужского или женского пола, соответственно полученный портрет мужчины является обобщенным.

Мужской портрет по данным психолингвистического анализа

Направление характеристики	Существительные, указанные в мужском и женском вариантах*		Существительные, указанные в мужском варианте		Существительные, указанные в женском варианте	
Поведенческий (акциональный) признак	Пьянчуга	17/16				
	Пропойца	15/18				
	Мазила	14/11				
	Хапуга	13/12			Гуляка	14
	Забияка	13/14	Сорвиголова	16	Убийца	14
	Выпивала	13/15	Запевала	13	Доставка	12
	Задир	13/14	Чудила	13	Кочевряга	11
	Обедала	12/12	Обжора	12	Выпивоха	10
	Пьяница	12/15	Шалунишка	10	Пьянчужка	9
	Обжирала	11/12	Кривляка	8	Обирала	8
	Приставака	11/14				
	Задирала	9/15				
	Обдирала	9/13				
Характерологический признак	Пройдоха	15/11			Надувала	12
	Ловчила	14/13			Рохля	11
	Прощелыга	13/18	Жила	11	Ханжа	10
	Скряга	12/12	Горемыка	10	Шляпа	10
	Сквалыга	10/19			Размазня	10
	Проньера	10/12				
	Недотепа	10/11				
Внешний вид	Кровопийца	10/11				
	Здоровяга	20/20				
	Верзила	18/17				
	Стиляга	17/16	Дохлятина	12		
	Доходяга	16/14				
	Симпатяга	12/14				
Общая оценка	Миляга	9/11				
	Молодчага	19/12				
	Зверюга	16/14				
	Скотина	13/17	Шантрапа	11	Тварюга	11
	Зверина	11/13				
Интеллектуальный признак	Бедолага	11/11				
	Простофиля	17/17				
	Дубина	17/11	Тупица	10		
Коммуникативный признак	Балда	15/13				
	Пустомеля	17/14	Болтунишка	8	Брюзга	12
Род занятий	Хвастунишка	9/12				
Социально-ролевой статус	Ворюга	11/14			Писака	10
Деловые качества	Бродяга	15/17	Одиночка	10		
			Трудыга	11		
	Деляга	9/14	Работяга	11		
			Лежебока	10		

* Цифры указывают количество ответов информантов: первая – в мужском варианте, вторая – в женском.

Проанализированный нами материал позволил прийти к следующим выводам. Только 62 из рассмотренных нами существительных общего рода (27 %) в языковом сознании информантов ассоциируются одновременно как

с лицом мужского, так и с лицом женского пола. Среди существительных, которые все информанты соотносят с лицами обоих полов, преобладают слова, имеющие значение характерологического (19) или акционального признака (16). При этом гендерно не маркируются такие признаки, как «подлый» (*подлюга, подлюка*), «грубый» (*невежа, деревенщина*), «трусливый» (*трусишка*), «угрюмый» (*бука*), «привередливый» (*привереда*), «рассеянный, невнимательный» (*растяпа, разиня*), «послушный» (*паинька*), а также следующие действия: торопиться (*торопыга*), зевать (*зевака*), курить (*курилка*), много спать (*соня*), без меры тратить деньги (*транжира*), вмешиваться во все дела раньше других (*выскачка*).

Гендерно нерелевантными оказываются и некоторые другие признаки, которые названы существительными, характеризующими лицо по интеллекту, особенностям речи, социально-ролевому статусу, внешнему виду, общей оценке: «знать, по собственному мнению, все» (*всезнайка*), «учиться самостоятельно» (*самоучка*), «бессмысленно заучивать» (*зубрила, зубрилка*), «заикаться» (*заика*), «ябедничать» (*ябеда*), «мямлить» (*мямля*), «подлизываться» (*подлиза*), «равный/неравный в каком-либо отношении» (*ровня, неровня*), «чистый, аккуратный» (*чистюля*), «плохой, дурной» (*бьяка*).

Результаты эксперимента позволяют предположить, что в реальном языковом сознании существительные общего рода выступают как таковые лишь условно, поскольку те или иные информанты обязательно соотносят каждое из рассмотренных существительных с лицом конкретного пола.

Для обозначения лица мужского пола употребляется 72 существительных общего рода (32 %), при этом 40 (55,5 %) из них совпадают в мужском и женском вариантах ответов. Слово *здоровяга* все информанты соотносят исключительно с лицом мужского пола (40 ответов). Подобное восприятие всецело обусловлено гендерным стереотипом, согласно которому мужчина должен обладать физической силой.

Все информанты приписывают лицу мужского пола следующие признаки, выражаемые существительными общего рода: агрессивность (*забияка, задира, задирала*), жестокость (*кровопийца, убийца*), стремление к грабежу (*халуга, обдирала, обирала*), стремление к личной выгоде (*деляга*), жадность в еде (*объедала, обжирала, обжора*), неловкость, неумелость (*недо-тепа*), физическая сила (*здоровяга*), немощность, слабость (*доходяга, дохлятина*).

Информанты-юноши дополняют мужской портрет такими признаками, как отсутствие страха (*сорвиголова*), неудачливость (*горемыка*), стремление действовать собственными силами (*одиночка*), трудолюбие, старательность (*тудяга, работяга*), лень (*лежебока*). Информанты-девушки включают в мужской портрет признаки вялости, нерешительности (*рохля, шляпа, размазня*), лицемерия (*ханжа*), ворчливости (*брюзга*). Интересно, что злоупотребление спиртным, приписываемое всеми информантами преимущественно лицу мужского пола, в ответах юношей также ассоциируется с женщиной (*пьянчужка*). В ответах девушек данный признак соответствует исключительно мужчине.

Доминирующим в мужском портрете является акциональный признак (37 %), что полностью соответствует восходящему еще к мифологической картине мира представлению о мужественности как воплощении активного начала. Вместе с тем большинство отмеченных признаков определяются социально и культурно обусловленным представлением о мужской гендерной роли, которая приписывает мужчине стремление к лидерству, агрессивность, силу, безэмоциональность, преданность работе и способность финансово обеспечить семью (Берн 2001, 166–185; Введение 2001, 337). Однако ряд признаков, отраженных в таблице, свидетельствуют и об изменении стереотипных взглядов на мужскую гендерную роль. В частности, речь

идет о неумелости, неудачливости, а также о таких типично феминистических качествах, как физическая слабость и нерешительность. Актуализация данных признаков свидетельствует о нарушении традиционного полоролевого стандарта, которое, как показывают результаты многочисленных социологических исследований, в условиях социально-экономической нестабильности сопровождается снижением веры мужчин в собственные силы, с одной стороны, и веры женщин в реализацию мужчины как «добытчика» – с другой. Последнее обстоятельство ведет либо к развитию компенсаторной мужественности, либо к утрате внутреннего контроля, что отражается в мужском портрете посредством слов с общим значением «проявлять жестокость» и «злоупотреблять спиртным», причем последние среди существительных, характеризующих лицо по акциональному признаку, представлены наиболее широко (22 %).

Изменению представлений о доминантной роли мужчины также соответствует факт явного преобладания негативных качеств, зафиксированных в мужском портрете. При этом общая оценка лица мужского пола по преимуществу негативна и отражена в 5 из 7 представленных существительных (71 %).

Полученный материал позволяет выявить и несколько словообразовательных моделей, определяющих специфику восприятия целого ряда синонимичных существительных общего рода:

а) существительные с уменьшительно-ласкательными и ласкательными суффиксами *-к/-очк-, -ышк-, -ашк-, -оньк/-еньк-, -аш-, -уш-* соотносятся с лицом женского пола. Так, из 58 существительных, имеющих данные суффиксы, 49 вызывают ассоциации с женщиной;

б) с лицом мужского пола соотносятся существительные с пейоративными суффиксами *-аг-/яг- (11 из 12), -ак-/як- (5 из 6), -уг-/юг- (5 из 8)*. В этом отношении особенно характерны такие однокорневые соответствия, как *миляга – милашка, милашечка, милочка, милаша, бродяга – бродяжка*. Однако следует подчеркнуть, что данные закономерности далеко не абсолютны. Вероятно, в процессе восприятия существительных общего рода языковые факторы действуют комплексно (словообразовательное значение, стилистические коннотации, звучание слова и др.) и дополняются индивидуальными ассоциациями носителей языка.

Проанализированный материал дает основания говорить о взаимодействии социально-культурных и языковых факторов в процессе формирования и восприятия образа мужчины. При этом социально-культурные факторы играют первостепенную роль. Набор качеств, свойственных как мужчине, так и женщине, основывается на стереотипных представлениях о гендерных ролях, которые через культурные каналы и социальные институты предписывают представителям обоих полов определенный тип поведения. Поэтому «как мужчины, так и женщины стремятся соответствовать ожиданиям общества в отношении их гендера, чтобы избежать социального неодобрения» (Берн 2001, 118). Полученные данные подтверждают выводы психологов о том, что не существует чисто мужской или женской личности, поскольку как мужчины, так и женщины могут расширять свой поведенческий репертуар за счет качеств противоположного пола (Куницына и др. 2001, 447). Вместе с тем результаты эксперимента не противоречат и выводам социологов, которые констатируют ситуацию фундаментального нарушения гендерных стереотипов в постсоветской культуре (Брандт 2000, 12), катализирующую у мужчин снижение самооценки и развитие компенсаторной мужественности.

ЛИТЕРАТУРА

- Берн Ш. Гендерная психология. СПб., 2001.
Брандт Г. А. Природа женщины. Екатеринбург, 2000.

Введение в гендерные исследования. Ч. 1 / Под ред. И.А. Жеребкиной. Харьков: СПб., 2001.

Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение. СПб., 2001.

Поступила в редакцию 13.06.2002.

Ирина Николаевна Софронова – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры русского языка БГУ.

Т.Л. ДЗЕРГАЧОВА

ДА ПЫТАННЯ АБ ФОНАСТЫЛІСТЫЧНЫХ АДЗІНКАХ СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ

Статья посвящена проблеме выделения и систематизации фоностилистических единиц современного белорусского языка. Анализируются три типа фоностилем – произносительная, коммуникативная и выделительная.

The article deals with the Belarusian phonostylistical units (pronunciational, communicative and delimitative). The major achievement of this work is an exhaustive treatment of the system of phonetical functional units and their use in the process of social communication.

У сучаснай лінгвістыцы адным з найбольш складаных і актуальных з'яўляецца пытанне аб функцыянаванні фонастылістычных адзінак. Даследаванне іх камунікатыўнай прыроды патрабуе не толькі апісання спосабаў ужывання і артыкуляцыйна-акустычных уласцівасцей асобных гукаў і складоў, але і разгляду таго, як гэтыя адзінкі выступаюць у рэальным маўленні. Сродкі арганізацыі вуснага маўлення, якія служаць для перадачы семантычнай і эмацыянальна-экспрэсіўнай інфармацыі, у беларускай мове амаль не вывучаліся, нягледзячы на тое, што беларуская лінгвістыка мае значныя здабыткі ў навуковым апісанні гукавой і рытміка-меладычнай сістэмы мовы (Падлужны 1969, Падлужны, Чэжман 1973, Фанетыка беларускай літаратурнай мовы 1989), зробленыя найперш у Інстытуце мовазнаўства НАН Беларусі і Мінскім дзяржаўным лінгвістычным універсітэце. Праводзяцца даследаванні ў рэчышчы эксперыментальнай фанетыкі (Выгонная 1991, Метлюк 1975, Падлужны 1977), з'яўляецца магчымасць пры дапамозе сучаснай тэхнікі фіксаваць самыя тонкія нюансы жывога маўлення, створаны грунтоўны фонд адбіткаў натуральнага моўнага гучання для аналізу асаблівасцей вымаўлення гукаў і гукаспалучэнняў (Садоўскі 1975), характарыстыкі фанетычнай структуры слова, інтанацыйна-меладычнага афармлення тэксту (Дубовскі 1978).

На кожным з моўных узроўняў (у тым ліку і стылістычным) можна вылучыць мінімальныя значымыя адзінкі (інтанема, марфема, лексема і г. д.), што ўваходзяць у склад больш складаных утварэнняў і могуць выконваць сігніфікатыўныя, перцэптыўныя і дэлімітатыўныя функцыі. На думку Й. Містрыка, “стылема – гэта першаэлемент, які ўтварае стыль, і пры дапамозе якога адбываецца стылізацыя” (Mistrik 1985, 31). Элементарнай адзінкай *фонастылістыкі* – інтэграванай навукі, якая займаецца вывучэннем рэалізацыі ў мове стылістычных магчымасцей фанетычных адзінак, прымаючы пад увагу сітуацыі і мэты зносін, – мы будзем лічыць фонастылему.

Асноўнымі функцыямі фонастылемы з'яўляюцца наступныя:

1) *вымаўленчая* – грунтуецца на нормах / адхіленнях ад норм літаратурнага вымаўлення – устойлівай і дынамічнай з'явы, што абаліраецца на законы функцыянавання фаналагічнай сістэмы мовы, з аднаго боку, і на выпрацаваныя грамадствам і традыцыйна прынятыя правілы, якія церпяць пэўныя змены ў працэсе развіцця вуснага літаратурнага маўлення ў выніку ўплыву на яго розных фактараў моўнага развіцця. Гэтыя змены першапачаткова маюць характар вагання норм, але калі такія змены не супярэчаць